

[Вышел 19 марта 1925]

[91 (062) (584)]

Journal of the Turkestan Branch of the Russian Geographical Society.
1924. Vol XVII.

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ

ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛА

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Том XVII.

Под редакцией секретаря Отдела И. А. Райковой.

Ташкент.

1924 г.

Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году.

М. С. Андреев

(Доложено в заседании Турк. Отдела Р.Г.О. 27/1—1922 г.*).

Весной 1921 г. при Совнаркоме Туркеспублики была образована под председательством *В. Н. Куна* «Научная комиссия по обследованию быта коренного населения Туркестана». В число членов ее вошли: проф. *А. Э. Шмидт*, *Н. Г. Малликий*, *А. А. Диваев* и *М. С. Андреев*.

При разработке своих задач комиссия поставила в первую очередь создание этнографической карты Туркестана. Попутно было решено собирать этнографические материалы для описания коренных народностей Туркестана. Предпринять сразу обследование всех областей Туркестана не представлялось возможным, и, в виде первых шагов, предположены были две экспедиции: одна в Сыр-Дарьинскую, другая в Самаркандскую область.

В состав Сыр-Дарьинской экспедиции вошли, под руководством *А. А. Диваева*, сотрудниками: *А. Г. Усов*, *т. Джаленов*, *А. И. Семенов*, *т. Утеисев* и, в последнее время, *т. Гладышев*. Город Ташкент с окрестностями был поручен отдельно *Н. Г. Малликову*.

Сыр-Дарьинская экспедиция выехала из Ташкента около 20 июля. К середине августа ей удалось закончить этнографическое обследование Казалинского уезда. Любопытно, что весь состав туземного населения Казалинского уезда, по наблюдениям экспедиции, оказался удивительно однородным: не только весь уезд заселен киргиз-казаками, или, точнее, прямо казаками, но все эти казаки, причисляющие себя к Средней Орде, оказались одного и того же рода, а именно Кара-Кесек, и делятся только на два колена—Алим и Шумукей. И только около самого гор. Казалинска был найден один аул киргиз, подвергшихся уже полному влиянию казаков и потерявших свои некоторые особенности.

Если сравнить найденную в буквальном смысле однородность населения Казалинского уезда с населением, напр., части Кызыл-Кумов, входящей в Джизакский уезд, то мы увидим здесь большую разницу. Во время моей поездки по Джизакскому уезду в 1915 г. в одной только Кызыл-Кумской волости этого уезда мною было найдено около 33 различных родов киргиз-казаков. Такое большое количество различных родов, сосредоточенных на сравнительно небольшом пространстве, видимо, может быть объяснено историко-географическим положением этой части Кызыл-Кумов, прилегающей к Нуратинским горам, являющимся барьером, пред которым останавливались в разное время волны кочеваний разных родов и, кроме того, Кызыл-Кумы, вовсе не безотрадная пустыня

*) В сокращенном виде доклад напечатан в журнале «Военная Мысль» 1921 г. кн. 3 (август—декабрь) стр. 276—281.

с точки зрения кочевника-скотовода, являлись, благодаря трудности проникновения в них больших отрядов, довольно надежным пристанищем для спасающихся беглецов из различных казакских родов в годы бедствий. Аналогично, повидимому, по изобилию родов и положение Верненского уезда, тоже примыкающего к горам. В этом уезде, по сведениям, помещенным в Ежегоднике Маева (СПб. 1872, стр. 164—166), значилось около 36 разных родов.

Самаркандская Экспедиция имела руководителем М. С. Андреева и сотрудниками студентов Вост. Ин-та: Н. А. Бурова, Е. М. Пещереву, А. Л. Троицкую и Э. А. Шмидта (последний был только во второй, октябрьской поездке).

Самаркандская экспедиция 25 июля начала работы по Самаркандскому уезду, законченные к 19 августа, когда состав экспедиции переехал в соседний Катта-Курганский уезд. Здесь сбор материалов занял значительно меньше времени и, закончив свои работы, 31 августа экспедиция переехала в соседний Джизакский уезд. Задержка в отпуске сумм на расходы повела к приостановке здесь экспедицией своих работ. В октябре 1921 г. некоторые члены экспедиции*) совершили дополнительную кратковременную поездку в Катта-Курганский уезд.

Результаты работ Самаркандской экспедиции выражаются в следующем. Несмотря на встреченные большие затруднения в передвижении, было посещено и обследовано около 50 волостей и был собран материал для составления этнографической карты Самаркандского, Катта-Курганского и половины Джизакского уездов. Так как на существующих картах туземные названия местностей часто бывают искажены, то все названия селений на пройденном экспедицией пространстве не только были вновь записаны с воспроизведением фонетической транскрипции, как произносятся эти названия на местах самими населяющими их туземцами, но параллельно записывалась и туземная транскрипция арабскими буквами в той форме, как пишет эти названия местное население. Одновременно при случае записывались объяснения местных жителей относительно происхождения названий тех или других пунктов, местные предания, легенды и пр. Попутно собирался также материал для характеристики быта народностей, встреченных на посещенном пространстве, записывались их некоторые обычаи, верования и пр.

Равнина Самарк. обл., посещенная экспедицией, делится на 2 резко отличающиеся друг от друга части: 1) долина р. Заряфшана — представляет из себя искусственно орошенное пространство с густым населением и высокой культурой поливных посевов хлебных и др. растений, с садоводством и огородничеством; 2) «дашьт» («степь» — دشت) — все нагорное пространство, куда не может быть поднята вода. Это — более или менее холмистое плато, спускающееся от горных цепей к длинной, но не широкой полосе долины Заряфшана, так наз. «вилаят»у. Дашьт часто оканчивается невысоким обрывом прежде, чем перейти в «вилаят».

Характер «дашьт»а совершенно иной по сравнению с «вилаятом». Богарные посевы разбросаны в разных местах по широкому пространству, состоя обычно из редкой пшеницы и ячменя, не отгорожены заборами и удивительно гармонируют с травой незасеянных мест. Селения далеко разбросаны друг от друга. Ширь степного пространства позволяет ра-

*) М. С. Андреев, Е. М. Пещерева и Э. А. Шмидт.

скидывать постройки, как угодно их обитателям, без плана и порядка. Скудость воды, необходимой для глины, и леса заставляют сильно ограничивать размеры жилищ и хозяйственных построек.

Любопытны одиночные деревья, талы или карагачи, в разных местах селений «дашты», посаженные у колодцев. Вода в последних (часто солоноватая) накачивается большой меховой бадьей. У колодцев—корытообразное сооружение из глины для скота. Богарное земледелие и скотоводство—главные занятия жителей дашты.

В общем дашт настолько типичен и уклад жизни в чем так сильно разнится от условий проживания в «вилайте», что понимание этого обстоятельства необходимо для правильного уяснения исторического прошлого долины Заряфшана и взаимоотношений жителей.

Район работ экспедиции представляет из себя крайне пеструю картину в этнографическом отношении. Здесь на сравнительно небольшом пространстве сосредоточены представители почти всех народностей Туркестана. Помимо узбеков, являющихся основным фоном в этой этнографической картине, среди туземного населения имеется также много таджиков, как равнинных, так и горных, встречаются в значительном числе турки, не признающие себя за узбеков, есть туркмены, кара-калпаки, казак-киргизы, киргизы, арабы, ирани (выходцы из Персии), цыгане, делящиеся на несколько родов, и туземные евреи. Суммируя произведенные экспедицией наблюдения над отдельными народностями на пройденном ею пространстве, можно отметить вкратце следующие любопытные черты среди упомянутых выше народностей.

Узбеки.

Касаясь узбеков (отмеченных переписью 1910 г. в 175.931 чел. для Самаркандского у., 124,358 ч. для Катта-Курганского и 59,269 ч. для Джизакского у., представляющих собою 70% всего населения этого района, помимо, однако, городов), можно отметить, сравнивая их быт, как он рисуется Ханыковым в его описании Бухарского Ханства в 1840 г., или у Гребенкина в его статье, напечатанной в 1872 г., что за истекший период времени условия быта узбеков значительно изменились. В настоящее время, напр., совершенно кочевых узбеков в пройденном экспедицией районе нигде не было найдено. Все узбеки осели, правда в различной степени и формах, и, кроме того, произошло и происходит в настоящее время большое изменение в отношении узбеков к юрте—этому типичнейшему древнему переносному жилищу тюркских народностей.

Несмотря на большей частью теперь уже совершенно оседлый образ жизни узбеков Самарк. Обл., юрта сохранилась между ними (беру конечно, население кишлаков, а не городское, где чистых узбеков почти нет) до самого последнего времени, хотя в последние годы она уже находится в периоде быстрого исчезновения. В некоторых местах, как напр. в Афтобуйинской и Тюятартарской волостях Самарк. уезда юрта встречается повсюду, в других же местах она уже почти совсем исчезла и остается только у самых богатых. Новых юрт во всех осмотренных трех уездах более не заводят. Единственным исключением среди всего осмотренного района была Чилекская волость, Самаркандского уезда, где до сих пор еще попадаются мастера, выделяющие юрты и выносящие их на базар, так-как местное население продолжает еще ставить юрты, напр. для отделяющихся от семьи молодых хозяев-молодоженов. Крайне любопытно, что мотивом к исчезновению юрты отнюдь не является предпо-

чение к глинобитным постройкам, которые повсюду имеются у узбеков, даже при их проживании круглый год или часть его в юрте. Наоборот, узбек любит жить в юрте, но экономические условия, сложившиеся за последние годы, делают это для него недостижимым. Проживание в юрте является роскошью. Характерным является то, что самый богатый узбек, которого мы встретили на пространстве всех трех уездов был в то же время единственным, который не имел до сих пор помимо юрты глинобитной постройки и предпочитал до сих пор жить исключительно в юрте. Но и он говорил нам, что собирается строить «михман-хану», т. к. находит неудобным дальше обходиться без нея. Двигающим мотивом в исчезновении юрты является уменьшение скотоводства и вздорожание шерсти. Войлоки, самая существенная часть в сооружении юрты, делаются недоступными по цене даже для людей, сравнительно зажиточных и, вместе с тем, их привозят на базар очень мало. Сильно повлиял на сокращение употребления юрты несчастливый 1916 г.—голодный год Туркестана, когда умерло много народа от голода (многие селения и сейчас представляют на половину развалины). Многие распродали свои войлоки с юрт и, вместе с общим упадком зажиточности и уменьшением скота, не были в состоянии завести себе потом войлоки для юрт.

При обследовании узбекских районов в пределах упомянутых трех уездов экспедицией записано около 50 узбекских родов и около полутора колен. Можно отметить заметное ослабление среди узбеков родового начала. В виду отсутствия в настоящее время практического смысла в делении на роды, представления о родовом происхождении, в особенности у молодежи, сильно понизились, и во многих местах узбеки даже начинают забывать, если не главный свой род, который, обыкновенно, еще более или менее твердо помнят повсюду, то свое колено, то-есть то отделение этого рода, из которого они происходят.

Очень любопытно впечатление, вынесенное членами экспедиции о разнице в типах, наблюдаемой у различных родов узбеков, в особенности между некоторыми. Если принять во внимание еще сравнительно недавнее образование узбекского союза, представлявшего, весьма вероятно, при возникновении его конгломерат из различных народностей, то, может быть, в этой разнице типов между отдельными родами можно будет как раз проследить характерные черты тех народностей, из которых образовались те или другие роды, в особенности принимая во внимание прежнюю замкнутость родов и их предпочтительные браки только между собою. К сожалению, в составе экспедиции не было лиц, производивших антропометрические измерения, которые одни только, вероятно, могли бы дать точный и ясный материал для этого рода определений и заключений.

Касаясь родового начала среди узбеков, не могу обойти молчанием случай с переходом родового названия на наших глазах в Катта-Курганском уезде. По прибытии в Яр-Башинскую волость я был очень удивлен, что все спрошенные мною туземцы на вопрос, к какому роду принадлежат жители того или другого селения, относительно целого ряда селений показали, что там живут джалаиры. Согласно сложившимся до этого в моей голове представлениям, основанным на аналогичных условиях кругом, этого не могло быть, т. к. население в данном районе шло в перемешанном порядке, и здесь, по моему расчету, должны были попадаться разные роды в одних и тех же селениях. Между тем туземцы в один голос ясно и определенно и при повторных моих вопросах, отвечали что они все джалаиры. Осталось только записывать. К счастью, мне пришлось

в голову спросить—а нет ли там такого-то рода? Отвечают—«есть, несколько семей». А такого-то:—«Тоже есть». Оказался затем целый ряд родов, которые и должны были приблизительно находиться в данных местах согласно моей теории. Тогда узбеки разъяснили мне, в чем тут было дело. Несколько лет тому назад один энергичный узбек, по имени Аскар, родом джалаир, вернувшись в начале революции из ссылки на каторгу, куда был сослан вместе с 5 товарищами за убийство 3 чел. во время кокпара, т. е. известной конской игры с козлом, начал приобретать большое влияние среди местного населения. Составив себе шайку из своих сородичей джалаиров, он начал терроризировать узбеков прочих родов, которые, чтобы избегнуть его вражды, объявили себя во многих случаях джалаирами и присоединились к нему, хотя в действительности были по происхождению минги, туркмены и др. Аскар вскоре погиб в одном из своих набегов на соседнюю бухарскую территорию, но любопытно, что и после его смерти принявшие название «джалаир» остались верны своему човому родовому прозвищу. Несомненно, что мы тут присутствуем при том процессе, который в далеком прошлом не раз, вероятно, являлся причиной или путем исчезновения или уменьшения одних тюркск. родов и соответственного увеличения других.

Туркмены.

Очень любопытны сведения о туркменах, найденных экспедицией в небольшом числе в Самаркандском уезде и в довольно значительном количестве в северной части Катта-Курганского уезда, где имеется целая волость (Накрутская) исключительно населенная туркменами. Кроме того туркмены найдены мною еще в сев.-западном конце Нуратинских гор, являясь самым крайним известным местонахождением туркмен в этом направлении. Туркмены, проживающие в Самарк. обл., подверглись сильному узбекскому влиянию и притом в такой степени, что обычно они сами склонны считать себя за один из узбекских родов. (Между прочим, туркмены, как один из узбекских родов, показаны в перечне последних Ханыковым в его описании Бухарского Ханства, согласно сведениям из «Насаб-Нама-и-Узбекия»—генеалогической таблицы узбеков, найденной им в Бухаре). Среди туркмен попадались экспедиции старики, помнящие слышанные ими предания, что они являются осколками туркменского народа, проходившего когда-то этими местами. «Мы приходим от одного прадеда Эрсари», говорили старики в одном месте—«те, у которых было много скота, прошли дальше, уйдя в те земли, где находятся сейчас туркмены, а не имевшие скота остались здесь и занялись земледелием».

Несмотря на упомянутое сильное влияние окружающих узбеков, эти туркмены, подчинившиеся в значительной степени узбекскому быту, все же сохранили и некоторые свои особенности, позволяющие их отличить от узбеков. Помимо чисто физических расовых признаков (несколько более высокий рост, разница в типе лица, строении тела и пр.), по которым туркмены легко отличают даже незнакомых им туркмен среди узбеков, их язык тоже немного разнится от узбекских наречий. До самого последнего времени среди туркмен Самаркандской области сохранялись характерные туркменские певцы-бахши и сазандары. Еще и сейчас, по словам встреченных экспедицией туркмен, в соседней бухарской полосе жив известных бахши Джалгаш. Было бы очень желательно, конечно, поскорее записать его песни и предания, как одного из самых последних

хранителей эпоса и сказаний этих самых северо-восточных представителей широко раскинувшегося туркменского народа. Туркмены Самаркандской области делятся на несколько родов.

kiĭkīm, куз—тамгалі, сарі—туркман, кангагалі, кізіл-улдурук.

От узбеков, в числе прочего, эти туркмены отличаются также умением выделывать ковры.

Цыгане.

Туземные цыгане имеются и в Самаркандской Области, ведя образ жизни приблизительно аналогичный со своими европейскими собратьями. На зиму они устраиваются в кишлаках, но с наступлением тепла обычно отправляются кочевать вместе со своим небольшим хозяйством, чаще всего из кур, ослов и 1-3 кобылиц. Проживая в палатках, они переходят от одного селения к другому, существуя сбором подаяния, ворожбой, коновальством и пр. Не обходится без упреков со стороны населения по их адресу и в мелком воровстве. Выпрашиванием милостыни и гаданием больше всего занимаются женщины. Цыгане делятся между собой на несколько отдельных родов или племен, разнящихся по образу жизни. Одни, называемые «загляр» («золотых дел мастера»), выделывают и продают по селениям мелкие ювелирные изделия, другие называемые «косатарошъ» («обтесыватели чашек»), занимаются выделкой из дерева деревянной посуды, решет и пр. Их женщины ткнут женские покрывала из конского волоса. Племена «джуги», «мультани» (название последних очевидно происходит от Мульта́н—известного города Сев. Индии), занимающиеся главным образом, попрошайничеством, ворожбой и пр. Все туземные цыгане официально мусульмане, хотя большой набожностью не отличаются. Грамотных среди них нет. Говорят между собой обычно по таджикски, (с очень небольшим особым говором), а также знают и по узбекски. Особого языка среди них не сохранилось, но, по словам встреченных экспедицией цыган, среди них существует один род называемый «Аугон-люли» («афганские цыгане»), представители которого говорят между собою каким то особым языком, непонятным для посторонних. Они водят и показывают дрессированных обьязян, медведей. Экспедиции не удалось встретить никого из этого племени и выяснить—говорят-ли они наречием языка пушту (афганского языка) или одним из цыганских наречий.

Среди разбросанных и кочующих цыган наблюдается некоторое самоуправление. Они от времени до времени собираются группами в определяемые ими места и там устраивают себе угощения, свадьбы и пр. У них имеются свои аксакалы, выбираемые ими самими, при чем такого избранника после выбора они поднимают на войлоке.

Арабы.

Восточная часть Катта-Курганского уезда, Самаркандской области, в окрестностях ж. д. пути между станциями Нагорная и Джума, является в высокой степени интересной, как в смысле этнического состава народностей, так и в отношении попадающихся здесь крайне любопытных образчиков народных религиозных верований. Наряду с узбеками, из которых состоит большинство населения Катта-Курганского уезда, тут встречаются также арабы, несомненные прямые потомки арабов,

когда-то переселившихся в Мавераннагр из Аравии и целыми селениями проживающие раскиданно в разных местах Катта-Курганского уезда, а также в примыкающей к нему Западной части Самаркандского уезда. Даже в общем в очень обстоятельно написанном «Туркестанском крае» Массальского о туркестанских арабах упоминается только следующее: «Арабы, некогда завоевавшие Туркестан и распространившие в нем силою оружия ислам, почти совершенно смешались с местным узбекским населением. Перепись 1897 г. зарегистрировало всего 624 человека арабов в Сыр-Дарьинской области, но, возможно, что число их в действительности несколько больше, как в этой области, так в особенности в области Самаркандской, где название селений и городских кварталов (араб-хана), а также и прежние данные, указывают на существование в недавнее время, а может быть и теперь, арабских поселений».

Арабы в Самаркандской области сохранили ясное представление о себе, как об отдельной народности и на вопрос о том, кто они, обыкновенно совершенно определенно отвечают, что они арабы, видимо даже немного гордясь своим происхождением. Точно также их выделяют, как народность, из своей среды окружающие их узбеки, таджики, туркмены и пр. представители туземного населения. Но в то же время туркестанские арабы уже, видимо, давно утратили свой язык и все говорят по-узбекски. По воспоминаниям стариков арабов в Катта-Курганском уезде, передававших, в свою очередь, слова своих отцов и дедов, можно проследить, что по крайней мере 100-150 лет тому назад арабы уже утратили свой язык и говорили только по-узбекски. По сообщению Ханыкова («Описание Бухарского Ханства», СПб., 1843) и как передавали экспедиции самаркандские арабы, среди бухарских соотечественников последних сохранился еще природный язык. Любопытно, что в Афган. Туркестане, по английским сведениям (, *Afghanistan and Nepal-Imperial gazetteer of India*, Calcutta, 1908, p. 83) находящиеся там арабы говорят по-персидски. Вместе с языком арабы заимствовали от своих соседей одежду,

типы жилищ и вообще домашний обиход, но тип, свой основной тип, сохранили сравнительно хорошо и араба обыкновенно можно отличить довольно свободно по его внешнему виду от узбека в особенности при некотором навыке. Арабы обычно значительно смуглее узбеков. В особенности характерными у них являются типичные семитические носы—крупные, довольно мясистые внизу, с характерным горбом по середине. Очень типичными у них являются глаза—черные, иногда темно-карие, обычно миндалевидной формы, крупнее узбекских. Они, пожалуй, более всего говорят об арабском происхождении их обладателей, даже часто в тех случаях, где имеется большая примесь узбекской крови. Густые совершенно черные волосы на бороде и усах, слегка вьющиеся, являются обыкновенно также характерными признаками араба самаркандского района. В особенности они типичны у стариков, бороды которых совершенно напоминают бороды ветхозаветных евреев. Губы обычно несколько толстые, при чем нижняя часто немного отвисающая. Скулы не выдаются. К сожалению, антропометрические измерения не производились.

Очерченный тип сохранился в некоторых частях уезда в значительно большей чистоте, в других в меньшей. Повидимому чище всего он сохранился в Восточной части Катта-Курганского уезда, в селениях Араб-Хана, Боглы, Кой-Бакар. В Западной части того же уезда, например, в Каль-Курганской и Дам-Арыкской волостях, где наблюдается часто более значительная примесь тюркской крови, процесс метизации выразился сильнее и описанные характерные черты часто более или

менее бледнеюг при поступающей соответственно примеси тюркской крови. Последнее обстоятельство легко объясняется отношением самих арабов к вопросу о смешении с окружающим их туземным населением. Гордость своим происхождением, как соплеменников пророка и мнение о некотором расовом превосходстве над окружающими не-арабами повели к тому, что арабы до самого последнего времени, как это наблюдается сейчас у ходжей и сайидов, не выдавали своих дочерей за людей другого племени и даже сами редко женились, напр. на узбечках. В Восточной части Катта-Курганского уезда арабы и до сих пор воздерживаются от выдачи своих дочерей за иноплеменников. Среди арабов западной части уезда это воздержание, выражавшееся и раньше, видимо, значительно слабее, за последнее время во многих местах почти исчезло. Это не обходится, конечно, без протестов со стороны стариков, хранителей арабских традиций, но напор жизни оказывается сильнее. — «Ругаюсь поэтому всякий раз, когда слышу, что выдали нашу девушку замуж за узбека: прельстились вы на деньги, говорю» — жаловался нам старый 80-летний шейх в селении Мулла-Курпа, говоря, что, к его огорчению, такие случаи повторяются все чаще и чаще. Не мало при этом, вероятно, имеет также значение уменьшение особого почетного положения, которое занимали арабы, как соплеменники пророка, среди прочего населения в связи с постепенно развивающейся несколько большей индифферентностью и критическим отношением к вопросам веры среди туземного населения. Этому уменьшению способствовало, вероятно, также и отношение власти, с переходом управления к русским, не поддерживавшей претензий арабов на их исключительное положение, как это было раньше при мусульманском строе. Старики арабы с оттенком горечи говорили, что теперь на то, что они арабы, никто больше не обращает уже никакого внимания и что их родословные в настоящее время не имеют никакого практического значения. В результате всего этого наблюдается довольно быстрое исчезновение за последнее время арабского типа во многих местах среди именующих себя арабами в западной части Катта-Курганского уезда и их быстрое ассимилирование с окружающими их узбеками. В связи с этим, вероятно, заметно и прекращение исключительной населенности арабами целого ряда селений, населявшихся раньше только одними арабами. Напр., селения Палван-Тепе, Барат-Рабат, Туйнак, Клыч-Кишлак, Ультау, Пайляу-Чархии, Паст-Чархии, Узбек-Кенты, означавшее «Узбекский город», Араб-Хана, Ольчин, Бай-Ака, Хожа-Керсон, населенные и сейчас большей частью арабами, лет 15—20 тому назад, по словам старожил, были исключительно арабские и только потом, на памяти еще теперешних арабов, к ним начали селиться пришельцы другого происхождения.

В общем же, несмотря на метизацию, может быть благодаря большой устойчивости семитической крови, арабы, обыкновенно, настолько разнятся по физическим расовым признакам от окружающих их узбеков, что в большинстве случаев их можно отличить с первого взгляда. Любопытны в этом отношении жалобы среди арабов в разных местах Катта-Курганского уезда, на то, что многочисленные здесь потомки персов-рабов, прежние «кулы» (рабы), пользуясь тем, что и они по цвету кожи темнее узбеков и имеют более густую бороду и усы, охотно выдают себя при случае за арабов. «Где теперь арабы», печально восклицал иногда во время разговора тот или иной араб, а иногда даже и узбек — «когда каждый кул (раб) живет теперь, выдавая себя за араба!».

Арабы в Самаркандской области разделяют себя по происхождению на несколько племен—искандари, мир-хайдари, болжи (название этого рода разные лица произносили различно: «болжи», «болиуи», «болии» и даже чуть не «болибик», бахшиваи, боисари и гурджи.

О времени и обстоятельствах своего появления в Туркестане и Бухаре у большинства арабов сохранились самые смутные воспоминания. Масса, кажется, склонна даже считать, что они живут здесь искони и только у более развитых и у стариков сохранились предания об их приходе в Туркестан. Последние в общем сводятся к следующему. Многие арабы считают себя пришедшими из Аравии при Тимуре, другая же часть—прибывшими в Мавераннахр раньше. По словам арабов Катта-Курганского уезда, в настоящие места пребывания они попали не сразу. Большинство довольно единогласно указывает на окрестности Карши, как на первоначальное местожительство арабов в бухарских владениях. Некоторые еще определеннее называют местность Камашь около Карши, как свою первую остановку, и говорят, что около 250 лет тому назад они были расселены отсюда в настоящие места их нахождения по приказу бухарского эмира. Можно думать, что в пределах Миан-Кальской долины (в Катта-Курганском уезде, по крайней мере), в так называемом «вилайте», многие из них поселены недавно, так как у большинства из них ясно сохранились представления о своей родственной связи с арабами в восточной части уезда, живущими в «дашт», т. е. степной полосе, при чем многие себя производят из сел. Боглы. У некоторых из арабов Катта-Курганского уезда существует предание, что их предки переселились в Катта-Курганский район из Гиссара, другие говорят о переселении их предков из Бухары. По преданию о переселении из Гиссара, переселившиеся арабы были скотоводы и пришли сюда в поисках лучших пастбищ, каковые и имелись здесь в старое время. Выселившиеся из Карши—были выгнаны отсюда голодом.

Предание о переселении части арабов из Аравии Тимуром среди них распространено довольно широко, при, чем, Тимур, по одной версии, якобы недовольный в чем то провинившимися арабами, отправил их через Туркестан в Китай. Когда переселенцы проходили через Мавераннахр, духовный наставник Тимура, Мир-Хайдар, сжалившись над ними, выпросил их у Тимура и получил разрешение поселить их в окрестностях Гиссара и Карши, откуда они потом и расселились в Самарк. и К.-Курганский районы. В награду за заботы о них эти арабы обязались уплачивать особого рода налог с своего имущества за себя и своих потомков в пользу Мир-Хайдара и его потомков и стали потом известны под именем «мир-хайдари» («мир-хайдаровские»).

Исключительное положение арабов, как соплеменников пророка, должно было окружать их в глазах прочего туземного населения некоторым ореолом превосходства и арабы, в прошлом, видимо, очень держались за свои преимущества в этом отношении и, при случае, не прочь были их подчеркнуть. Характерны поэтому случаи коллективного выступления арабов в защиту своей чести, сохранившиеся в памяти старожиллов, показывающие также существование между ними некоторой родовой сплоченности и взаимоподдержки.

Около 40-50 лет тому назад (по словам других, около 60 лет) в г. Катта-Кургане произошло крупное выступление арабов, которое могло вылиться в довольно серьезные формы, по следующему поводу. Некто Рахим-Саулят, таджик, человек очень зажиточный и, по своему характеру «агзи-катта» (дерзкий на язык), как отзывались о нем туземцы,

в споре на базаре с одним арабом, сославшимся на свое происхождение, в пылу столкновения обругал в ответ на это всех арабов. Из этого поднялась целая буря. Обиженный араб известил своих соотечественников, которые заволновались. Арабы из довольно многочисленных селений в окрестностях Катта-Кургана соединились для наказания обидчика, указывая, что обидевший араба на почве его происхождения перестает быть мусульманином. Была добыта длинная «шаджара» (родословная), показывающая происхождение местных арабов. Положение было настолько угрожающее, что обидчику пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь, а его родственники были вынуждены устраивать примирительные угощения для арабов и надевать халаты на наиболее выдающихся из них. Дело было таким образом замято, но стоило обидевшему потери состояния, истраченного на расходы по примирению.

Другой из известных таких случаев произошел около 40 лет тому назад в селении Ауган, повидимому, в базарный день. В споре по продаже барана рассорились и сцепились между собою узбек и араб. За узбека, на почве родовой поддержки, вступились роды Кыяк, Сарай и Найман (т. е. представители этих родов, бывшие на базаре), за араба — бывшие там арабы. Дело угрожало перейти в большое побоище, но, к счастью, более благоразумным с обеих сторон удалось уговорить и арабов и узбеков разойтись. За последнее время уже больше не приходится слышать о подобных выступлениях. Положение изменилось и больше нет опоры для поддержки претензий арабов на особое привилегированное положение.

Разницу в характере между собою признали все спрашиваемые мною на эту тему арабы и узбеки, хотя они не могли сразу определить ее точно — «не приходилось над этим думать, и сразу поэтому сказать трудно, но что есть разница, то это верно» — говорили некоторые из них. Некоторые узбеки, затрудняясь коснуться непосредственно области духа, переводили определение на опрятность: «у нас, узбеков, в домах опрятнее, чем у арабов», говорили нам в одном случае. — «Арабы открытее по характеру, честнее и беднее; узбеки зажиточнее» — определение, которое пришлось услышать из арабского лагеря. В общем узбеки и арабы хорошо уживаются друг с другом и все узбеки ни разу не отзывались об арабах плохо. Любопытно, что среди арабов в Самаркандской обл. сохранилось, повидимому, довольно много старинных обычаев и обрядов, вынесенных, как можно предположить, из уклада их прежних верований и быта. Вероятно самыми любопытными являются остатки идолопоклонства. Первые сведения об этом удалось получить случайно, летом 1921 г., по время пребывания экспедиции в Катта-Курганском уезде. При остановке в одном селении в центральной части уезда один туземец, с которым я разговаривал о разных обычаях среди местного населения, возможно почувствовав некоторое доверие, вдруг неожиданно нагнулся ко мне и, оглядываясь, чтобы никто не подслушал разговора, сказал, понизив голос: — «уж не знаю, говорить ли мне вам, или нет — здесь есть удивительные вещи. Если вы никому здесь не скажете, что услышали от меня, то я вам расскажу». По успокоении с моей стороны, он рассказал мне о существовании среди местных арабов особого культа, состоящего в поклонении двум идолам, из которых один мужской, другой женский, хранящиеся отдельно друг от друга в селениях Араб-Хана и Чууллак, населенных арабами. Кроме этого он мне рассказал также, что имеется еще отдельный культ очага, о чем я слышал от туземцев и раньше. Его последователи тоже сформировались в нечто вроде особого

толка или секты и, в третьих, он подтвердил мне о существовании еще особой секты среди местного населения, на этот раз не у арабов, называемой «иштан салды», члены которой устраивают тайные сборища, в которых участвуют мужчины и женщины и которые заканчиваются будто-бы «свальным грехом». Все три секты, по его словам, вполне подтвердившимся потом, были тайные и их последователи тщательно скрывали от непосвященных и свою принадлежность к секте и ее обряды и верования, и даже отрицали самое ее существование. О существовании среди туземцев Туркестана секты «иштан-салды» я слышал еще давно, хотя только как об единичном случае в одном селении. Что же касается культа идолов, то наличие такого в наши дни среди оседлого населения Средней Азии, отличающегося особым усердием к вере, казалось маловероятной. Осторожные опросы потом среди населения Катта-Курганского уезда быстро убавили, если не совершенно рассеяли сомнения. Все туземцы, знающие хорошо местных арабов, а также и сами арабы, опрошенные в таких условиях, когда можно было рассчитывать на их откровенность, единогласно подтверждали существование идолов среди одной секты арабов. Достаточно уверенные подтверждения слышались и по поводу культа очага, а также относительно существования секты «иштан-салды». Недостаток времени и необходимость торопиться с выполнением основной задачи экспедиции—составлением этнографической карты, не дали возможности остановиться в этих интересных местах и собрать более подробные сведения о любопытнейших культах, сохранившихся в этом уголке Туркестана. Экспедиции пришлось выехать в Джизакский уезд, а затем в Ташкент в начале сентября 1921 г., пробывши всего в поездке около месяца. Были посещены Каль-Курганская, Чимбайская, Сергалинская и Пейшамбинская волости, где в разговорах с местными жителями удалось собрать большую часть приводимых ниже сведений.

Куль т и долов*).

Любопытно, что туземцы, видимо желая избегнуть ответственности в названии людей, считающихся мусульманами „бут-параст“, т. е. идолопоклонниками, говоря о данном культе и о том, что некоторые из арабов совершают поклонение идолам, всегда употребляют выражение «куурчак-ка сыгынадылар» (они прибегают к куклам, уповают на куклы), или «куурчак-параст» (поклонники кукол). И только, когда более ревностные из мусульман воздвигали гонение на этот культ, тогда они употребляли слово «бут» и обвиняли последователей культа в «идолопоклонстве».

Как сходятся показания всех туземцев,—и принадлежащих данному культу и посторонних, в настоящее время идолов только два, хотя в одном случае приходилось слышать утверждение, что их было три, из которых два одного размера, а третий меньше. Из имеющихся двух идолов один—мужского пола, называется «Ирданауук», как произносят одни, или Ирданавик, как выговаривают его имя другие (очевидно, испорченное «Ирдана-Бек» ایردانه بیک). Имя же идола женского пола,

*) Употребляю это слово („идол“) с некоторой неохотой, как не совсем точно определяющее в данном случае те предметы, о которых идет речь, но не нахожу другого подходящего слова.

супруги Ирданавика, одни называли «Бегишт-Биби», другие—«Бибиш-Ай», третьи—«Бубуш-Ай», «Бубу-Айш» и «Биби-Айша». Самыми существенными, конечно, являются первая и последняя формы, так как остальные представляют из себя, вероятно, те же имена, исковерканные в народном говоре. Очень жаль, что не пришлось встретиться за короткое время пребывания на месте с достаточными данными, чтобы судить о вероятном основном названии божества, так как это могло пролить некоторый свет на происхождение культа: если-бы это было «Бегишт-Биби» («Небесная Госпожа»), то это можно было-бы считать одним из доказательств, в особенности в связи с названием ее супруга, Ирдана-Бек, в пользу предположения о местном происхождении верования, возможно вытекающем из древних местных культов. Название же «Биби-Айша» (Госпожа Айша)—имя очень популярное в исламе—указывало-бы если не на исключительно арабское происхождение культа (подразумевая верования местных арабов), то, во всяком случае, на видимое некоторое приспособление его к исламу.

В связи с вопросом о происхождении культа тесно стоит область его распространения. Из расспросов в Катта-Курганском уезде видно, что культ этот там наблюдается исключительно среди местных арабов, причем и число последователей, согласно одному источнику, очень, сравнительно, невелико. Их около 20 домов в селении Араб-Хана, около 5 домов в сел. Боглы и 5 или 6 домов в сел. Чуулак. Эти дома, несмотря на то, что данные селения раскинуты на довольно большое расстояние друг от друга, видимо, родственны между собою, имеют сношения и считают свое происхождение общим. Помимо, однако, этих домов, где в божества веруют и поклоняются и женщины и мужчины, среди остальных арабов имеется большое число женщин, которые обращаются к идолам, в особенности к Биби-Айша (или Бегишт-Биби), прибегая обычно в случае болезни личной, или кого-нибудь из близких, с просьбой об исцелении. В особенности же принято обращаться к ним во время беременности, в ожидании рождения ребенка. Женское божество является, повидимому, особой патронессой родящих и к нему в недалеком прошлом женщины арабов обращались довольно широко, приезжая даже издалека.

Вышеизложенного, может быть, было бы достаточно для предположения, что культ возник и развился среди арабов (так как среди окрестных узбеков никто эти верования, видимо, не разделяет), если бы не следующее обстоятельство. Накануне отъезда из Катта-Кургана в разговоре с очень внушающими к себе доверие туземцами случайно удалось узнать, что в селениях Еч и Маджрум, Джизакского уезда, расположенных на сев.-зап. склоне Нуратинских гор и населенных таджиками, тоже, якобы, имеется какой-то культ идолов. Сообщавшие, к сожалению, не могли рассказать подробностей и они могли лишь передать, что приходившие из этих селений таджики рассказывали, что тамошние жители тоже тайно почитают идолов.

По отзывам всех видевших, оба идола у арабов вытесаны из какого-то дерева с белой древесиной, вероятней всего из тала, видимо очень старые. Работа довольно грубоватая и большим изяществом не отличается. Величиной они, приблизительно немного более аршина. Один из них представляет из себя мужчину, а другой женщину—вытесанными в полный рост. Оба одеты в белого цвета одежды, при чем на голову Ирданавика накинута чалма. У Биби-Бегишт (или Биби-Айша) имеются разные украшения. На голове приклеены волосы, поверх кото-

рых надета тюбетейка. По преданию, слышанному от женщин, якобы эти волосы принадлежали раньше мёртву, особому демону (называемому также «албасты»), приблизительно соответствующему по репутации русскому домовому.

Идолы, по крайней мере Биби-Бигишт (Биби-Айша), хранятся уже давно в одних и тех же семьях и о том времени, когда они сделаны, определенных представлений не имеется. «Она (Биби-Бигишт) досталась моей бабушке от ее бабушки», — говорил теперешний хранитель.*).

Ку л ь т о ч а г а .

Следы культа очага, как и почитания духов предков, широко распространены в Средней Азии, как среди тюркских народностей, так и между таджиками. Например, у многих народностей Туркестана молодая, входя впервые в дом мужа, кладет поклоны домашнему очагу («учакка саялам»), при чем у некоторых народностей на очаге зажигают курение из особой травы для умиловствования духов предков. У ташкентских сартов, по сообщению Е. М. Пешеревой, молодую, после первой ночи, выводят с лицом закрытым небольшим куском белой материи, и ставят перед дверью в дом; особая женщина от имени невесты произносит целый ряд приветствий—саялам, обращенных к родителям жениха, имамам, суфиям и др. Одним из первых бывает саялам к духам предков данного дома. В некоторых местностях, в важных случаях жизни, в огонь очага, как приношение духам предков, льется масло.

В случае болезни кого-либо из членов семьи, ставится «пилики» — небольшие лучинки, иногда соломинки, обернутые ватой и обмакнутые в масло, которые зажигаются, как умиловительное приношение духам предков. В Ташкенте Е. М. П. наблюдала обычай зажигать пилики аруахам, т. е. духам предков, при наступлении Рамазана, при чем пилики втыкались в очаг. Подобные пилики, как приношение духам предков, зажигаются часто у многих узбеков, а также у арабов, не придерживающихся культа очага. Обычно это делается вечером в четверг (пятницу) и в понедельник (воскресенье). Пилики ставят в очаг по 3—5 штук пучком или 2—3 группами. В последнем случае, ставя каждую отдельную кучку, говорят при этом, что она назначается духу такого-то предка (имя рек). Зажигаются пилики и на могилах близких покойников, а также, как умиловительная жертва, на особо почитаемых мазарах или под старыми священными деревьями, обычно растущими около мазаров. Сохранились следы верований и в языке: «учак урсун» («пусть накажет очаг») или «арвах урсун» («да накажут духи предков»), сплошь и рядом говорят, например, узбеки.

Эти остатки культа очага и почитанья духов предков рассеяны в быту народностей Средней Азии, не вызывая протестов ортодоксальных мусульман и, в настоящее время, постепенно и очень быстро исчезают под напором современной жизни.

Но во время поездки по Катта-Курганскому уезду экспедиции пришлось наткнуться, опять-таки среди арабов, на крайне любопытный культ очага. Здесь он выразился настолько резко, что уже значительно противоречит духу ислама и обращает на себя неодобрительные взоры

*) Идолы теперь скрывают, так как боятся повторения гонений. Сотрудницу экспедиции Е. М. Пешереву хозяин повел было в дом, где хранился один идол, но другие запротестовали, и, в конце концов, оказалось, что идол уже увезен.

окрестных мусульман, называвших членов этого культа «учак-параст», т. е. («поклонники очага»). Вероятно его адепты скрывают свои верования и нам стоило некоторого труда добиться сколько-нибудь определенных данных.

В селениях Араб-Хана, Чууллак и Боглы и, может быть, некоторых других, Катта-Курганского уезда, имеется некоторое количество арабов, приблизительно около 60 семей, имеющих общение между собою и отличающихся от окружающих их арабов и узбеков особым поклонением одному определенному очагу. Видимо, таким священным очагом является имеющийся в сел. Боглы, по словам арабов (самим нам, за недостатком времени, съездить в это селение не удалось), простой обыкновенный очаг,—место, где раскладывается огонь, расположенный под открытым небом и только отгороженный невысоким глиняным забором для того, чтобы несколько отделить его и, вероятно, предохранить его от осквернения. Среди всей этой общины, члены которой раскинуты по нескольким селениям, для принесения умиловительных жертв на этом очаге избирается самый старший по возрасту. По его смерти его заменяет следующий по старшинству лет среди приверженцев этого культа и т. д. Такой шейх называется обычно по узбекски—«учакнын каттакани»— («старший очага») или «учак агасы» («хозяин»)*. Если шейх не живет в самом селении Боглы, то он уславливается со своими прихожанами о времени своего приезда в Боглы для исполнения «треб» и в назначенное время туда съезжаются и шейх и богомольцы из других селений. В прилегающей степи среди арабов уже заранее бывает известно и сколько приготовлено жертвенных животных, и кем именно и время приезда шейха. Знают это, конечно, и арабы, проживающие в Араб-Хана и Чууллаке. Вот имена последних шейхов, сообщенные мне по памяти теперешним шейхом Нияз:

Яри-Бай—

Ишь-Бай, сын Яри-Бая—

(То обстоятельство, что Ишь-Бай является сыном Яри-Бая, возбуждает, конечно, некоторые сомнения относительно давности установившегося теперь порядка передачи должности шейха по старшинству лет).

Юлдаш-Бай—

Бай-Мурад-Аксакал—

Раджаб-Баба—

Пир-Назар-Кушбеги—

Нур-Мурад—

Нияз—

О том, как, когда и кем был установлен существующий обычай поклонения очагу, среди арабов не пришлось слышать никаких преданий. По словам некоторых из последователей этого культа у них пользуются большим почтением три больших камня, находящиеся в окрестной

*) Не стоит ли это в связи с киргизским „ут-агасы“? Кирг. *اوتاي* (кибитка, особая кибитка) тоже должно было, по моему мнению, первоначально обозначать „огневище“—место, где разводится или поддерживается огонь.

степи за сел. Как, но, к сожалению, съездить к ним не удалось. К этим камням совершается паломничество и некоторые арабы из с. Араб-Хана, из числа последователей культа очага, поставили там «туг» — флаг или бунчук, воздвигаемый обычно туземцами на мазарах. Эти камни называются «Наджм-Эд-Дин-Ата» (نجم الدين آتا) и, как можно предположить, находятся в очень любопытной фазе превращения их в мазар, на подобие того, как многие древние места поклонения до — мусульманского периода превратились в «мазары» Али, Идриса, Сулеймана, Аюба (Иова) и пр. святых, никогда и не бывавших в Средней Азии, но которым часто приписываются «мазары» или «кадам-га» (т. е. местопребывание). там, где по характеру местности — горячие ключи, удивительной формы камень и пр. — видимо имелись основания для первичного культа этого явления. На одном таком мазаре, в настоящее время чисто исмаилитского в верховьях р. Гунта (правый приток Пянджа) имеется даже до сих пор каменная голова идола, на которую благочестивые местные жители льют масло, приходя в мазар на богомолье. — «Наджм-Эд-Дин-Ата», отождествляемый видимо с почитанием трех камней, является, по словам шейха очага, патроном поклонения очагу.

К шейху очага обращаются не только одни поклонники очага, но и другие окрестные жители и не принадлежащие к этому своего рода толку, в надежде получить помощь в своих житейских неведениях. Обычно к очагу обращаются в случае болезни кого-нибудь из близких. Некоторые, в особенности бесплодные женщины, обращаются в надежде испросить себе ребенка. Другие, но, видимо, реже, делают это прямо по усердию. Обращающийся привозит с собою козленка или барана, который тут же и закалывается. Шейх получает при этом в свою пользу голову и шкуру убитого животного (злые языки говорили, что теперешний шейх берет себе кроме того еще и 1 ногу, но сам шейх, когда зашла об этом речь, отрицал это, как большую на него клевету). Остальное мясо варится на священном очаге, после чего оно раздается шейхом исключительно только лицам своего толка, призываемым для еды. Это мясо посторонним не дается. Если заклинание животного вызвано чьей-нибудь болезнью, то шейх мажет в нескольких местах больного кровью убитого животного. Любопытно, что все кости съеданного животного должны быть тщательно собраны и зарываются потом в землю. Усиленная забота о сохранении костей, которые при принесении умиловительной жертвы тщательно собираются и зарываются в землю, наблюдается также и в других местах. Арабы в окрестностях Катта-Кургана рассказывали нам, что при этом иногда кто-нибудь по злобе на приносящего жертву возьмет и спрячет во время еды косточку, которую потом выбрасывает. Тогда жертва не достигает цели и больной не поправляется.

Любопытно сравнить с этим обычай имеющийся в самой глуши приамирских стран, а именно в долине Хуф, составляющей часть Рушана (в верховьях р. Панджа) и населенной горными таджиками. В случае возникновения эпидемии, от которой умирает много людей, собравшиеся жители берут красного быка и шейхи мазара Туг-Бура-Нагян, находящегося в Хуфе и очень почитаемого, водят его по селению, обходя вокруг каждого дома. Все жители — мужчины, женщины и дети, прикладывают по 3 раза руку к спине быка и говорят „му баля дай те зуд“ „мое несчастье обратилось на это“, т. е. на быка. Быка ведут затем на мазар, где его и закалывают, при чем кровь тщательно собирают в чашку,

чтобы не пролить на землю и выливают в речку, на берегу которой стоит мазар. Мясо варится и съедается собравшимся народом, за исключением головы, ног и желудка, которые вместе с костями, тщательно собираемыми во время еды и отнюдь не выбрасываемыми, завязываются в шкуру убитого животного и бросаются в речку.

По окончании еды шейх зажигает приготовленные пилики—обычно от 3 до 7 штук, втыкая их в очаг. При этом он совершает „таваф“, как называет он, который, как это ни странно, но в данном случае совсем не выражается в обычном хождении вокруг почитаемого предмета, а состоит в том, что он троекратно подносит обе ладони к пламени пиликов и затем благоговейно проводит себя по лицу, приговаривая, обращаясь к духу очага—„Амин! Касаль-га шифа бергин“, т. е. «Амин! Дай исцеление от болезни». Последнее приговаривается, очевидно, когда дело касается больного. Обычно же, кроме того, говорят следующее: „а, айна-лайн, Учаг—Баба, садакангиз кетай“*), т. е. «о, да кружусь я (в смысле «пожалуйста, ради Бога»). „Дед Очага, пусть идет приносимая тебе жертва“. Последняя фраза крайне любопытна и ясно указывает на существование особого Духа Очага—„Учаг-Баба“, которому именно и приносится в данном случае приношение. При этом, тоже как другая умиловительная жертва, льется в огонь масло. Если обращаются женщины, то, как рассказывал шейх, они кладут очагу два земных поклона.

Вероятно, как отраженный след почитания очага, среди арабов можно заметить некоторое почтительное отношение к выбрасываемой из очага золе. Последняя обычно бросается в какое-нибудь одно место в стороне и по ней избегают ходить, в особенности отнестись непочтительно, как напр., помочиться на золу. Возникает даже иногда объяснение случившейся с кем-нибудь болезни, что она произошла именно по последней причине. На оскорбленном месте с золой тогда зажигают пилики.

Среди арабов Самарканд. обл., видимо, существуют разные старинные обычаи, почему то ими старательно скрываемые. Между прочим, как довелось случайно убедиться в с. Араб-Хана, у них очень распространено устройство особого рода радений—„джахр“ или „зикр“, организуемых родственниками заболевшего. Последние хлопоча о выздоровлении заболевшего, призывают ишана (точнее его „халифа“—наместника, т. к. сам ишан живет в Карши), готовят животное (барана или козла) и созывают народ на „джахр“, при чем мясо раздается только участникам радения. Бывший Сергалинский волостной управитель рассказывал мне в присутствии арабов, что он сам лично видел, что кровь закалываемого барана в таком случае лили в очаг, но присутствовавшие арабы дружно это отрицали и говорили, что такго обычая у них нет. Очень часто „джахр“ устраивается женщинами и опять таки с тою же обыкновенно целью—добиться исцеления от болезни. Довольно странно, казалось бы, что „джахр“ у арабов обычно устраивается по совету знахарки („фольбен“, „кушнач“, „бахши“) и ведется под ее руководством. Под аккомпанимент ее бубна собравшиеся женщины, как передавали, поют обычные припевы раденья, после чего они, как это делают после своих

*) В старом употреблении ایلانین или ایلاتانین (перс. گردهم) — „да кружусь я!“—как раз и было, видимо, термином, применявшимся при жертвоприношении, камлании.

джахров и мужчины, принимаются за еду. Поэтому, наказывая об устройстве джахра, фольбен заранее говорит, открывая „фоль“ (نال), что нужно заколоть, напр., барана. Если женщина, обращающаяся к ней, в ответ на это заявляет, что ее муж беден и она не может купить указываемое, то тогда знахарка снова гадает и объявляет, что целый баран может быть заменен, напр., бараньей головой, которая и покупается на базаре, после чего и устраивают джахр.

Секта „Иштан Салды“.

Во время работ экспедиции в Катта-Курганском уезде в разговорах с туземцами пришлось наткнуться на рассказы о существовании особой секты или толка, последователи которого собираются, будто бы, иногда вечером в укромных местах, обыкновенно в пещере, выставляют дозоры, чтобы их не застали врасплох, и устраивают радение, или особое моление в котором участвуют в равном числе мужчины и женщины (каждый мужчина привозит с собой женщину), заканчивающееся как love feast у английских сектантов, т. е. „свальным грехом“, который обыкновенно принято приписывать нашим хлыстам. Все туземцы, которые слышали или знали о существовании этой секты, были твердо убеждены, что собрания ее членов заканчиваются „грехом“. Слухи показывали несколько мест, но в Катта-Курганском уезде особенно упорно указывалось селение „Аулия-Тепа“, т. е. „Святой. Холм“, где имеется пещера в расположенном при селении холме, в которой и происходят радения. В том же селении проживает и ишан. Любопытно, что на этот раз сектантами оказались узбеки, и среди арабов адептов этого толка не было. Как характерную жанровую картину, рисующую, насколько много до сих пор еще сохранилось различных древних не-мусульманских обычаев в этой арене подвигов Моканны, можно привести, между прочим, оживленный разговор, происходивший в с. Араб-хана между кучкой арабов. Мы старались допытаться от них подробностей культа почитания идолов и добиться, чтобы нам показали одного из них. Среди арабов некоторые принимали нашу сторону и настаивали, чтобы идол был нам показан; другие, у которых хранился идол, отрицали самое его существование и говорили, что его теперь уже нет. В этот оживленный разговор вмешался подехавший Сергалинский волостной управитель из окрестностей с. Аулия-тепа, который с жаром начал было убеждать арабов не скрывать идола, который заведомо находится у них и про культ которого известно всем соседям. „А вам бы, может быть, лучше было бы помолчать пока“, заметил ему с ядовитой улыбкой один из арабов. „Вот когда они (т. е. мы, члены экспедиции) приедут к вам, то тогда вы лучше порасскажете-ка им, что вы проделываете на ваших молитвенных собраниях по вечерам в пещере“. Нужно было видеть ставшее сразу необычайно озадаченным и сконфуженным лицо горячо выступавшего перед тем оратора, закрывшего в смущении лицо руками при гомерическом хохоте толпы, чтобы зародилось подозрение, что, кажется, в данном случае „нет дыма без огня“. Во всяком случае, рассказы про существование отдельных небольших оазисов „иштан салды“ приходилось слышать и в Джизакском уезде, где туземцы тоже определенно указывали на одно селение, где устраивал подобные собрания некий ишан Джангали, наезжавший раньше из Ташкента, но умерший несколько лет тому назад. Покойный В. П. Наливкин рассказывал мне определенно про одно селение в Фергане, жители которого устраивали такие же

собрания, и тоже назывались окрестными туземцами „иштан-салды“. В. П. Наливкин, насколько помню, знал только про одно селение и думал, что данный толк или секта им только и ограничиваются, но настоящие наблюдения, произведенные экспедицией, показывают, что в крае существует, видимо, особая секта, члены которой крайне тщательно скрывают свои верования и даже отрицают самое существование секты, которая раскинута небольшими оазисами в разных местах Туркестана. Самое название „иштан-салды“, даваемое секте окрестными туземцами, происходит оттого, что когда сектанты собираются на свое моление то тогда приходящие женщины снимают с себя шаровары и кладут их в одно место. По окончании моления тушится огонь, мужчины подходят к кучке белья и в темноте каждый берет себе одни из шароваров, при зажигаемом потом огне узнается их обладательница, которая и отправляется затем вместе с данным мужчиной в одно из боковых отделений пещеры.

При посещении нами сел. Аулие-Тепа мы наткнулись на полное и упорное отрицание существования данного толка со стороны местных жителей. Однако в том же селении пришлось слышать и другую версию. — что подобные собрания происходили раньше, но что за последние годы их больше не было и они теперь прекратились. Характерно, что ишана, который по слухам производил собрания, при нашем приезде в селение не было. Он уехал, как нам сказали, «на базар», должен был вернуться вечером в тот же день, но не появлялся, хотя мы прожили в ожидании его около трех дней. Видимо, его скрывали от нашего опроса. Но самый холм зато многое порассказал сам про себя при его осмотре. Он стоит среди прилегающих к селению полей, неподалеку от селения (приблизительно в $\frac{1}{4}$ версты от ближайших домов) и представляет собой искусственное возвышение, приблизительно сажен пяти вышиною. С одной стороны (с южной) имеется старательно обмазанный глиной вход, который, спускаясь уступами вниз, ведет во внутреннее подземное помещение, являющееся довольно большой комнатой, с конической формы потолком, высотой приблизительно около 5 арш. Это помещение вырыто в лессовой почве. В одном углу произошел обвал и часть земли сверху обрушилась и лежит комками, но это, судя по утоптанному полу в остальной части помещения, видимо, не мешало людям часто посещать это место и после этого. В противоположной входу стороне имелось аккуратно обмазанное глиной некоторое подобие трона — возвышение, к которому вели 2-3 ступени. Самым характерным свойством этой пещеры было большое количество боковых коротких ходов, расходившихся из главного центрального помещения в разные стороны и заканчивающихся каждый небольшой пещеркой. Это и были именно те «кабинеты», на особом назначении которых так упорно настаивала окрестная молва.

Другим инкриминирующим обстоятельством было видимое желание скрыть самый вход от проходящих мимо холма. Перед входом имелся отдельно небольшой навес, в котором, видимо, готовилась во время собраний пища; примыкая к холму, против него находится мазар — мусульманского типа могила под навесом — вероятно, умерших ишанов. Все это, будучи расположено по обоим сторонам входа и находясь на небольшом дворике, через который нужно пройти, чтобы попасть в пещеру, очень тщательно замаскировано с большим искусством. Старательно насажденная полоса камыша, несомненно посаженная искусственно, закрывает вход в этот дворик, а вместе с тем и в пещеру. Весь холм окружен

квадратом из довольно широкого арыка, обсаженного деревьями, и попасть в него не так легко. Перед замаскированным камышом входом в пещеру внутри квадрата, образованного арыком, имеется открытое пространство, на котором приезжающие могли бы свободно оставлять своих лошадей. Несмотря на уверение жителей, что холм уже давно заброшен и не посещается, мы ясно видели свежеспротоптанные тропинки, сходившиеся с разных сторон к холму. Вот в главных чертах все, что нам пришлось видеть и узнать.

Теперь возникает вопрос, существует ли действительно подобная секта в Средней Азии,—я подразумеваю—секта, собрания которой заканчиваются «свальным грехом»—что вообще существует какой то особый толк, называемый «иштан-салды» и тщательно скрывающий свои особенности, вряд ли подлежит сомнению. Принимая во внимание, как мы видим на примере с нашими хлыстами, ту осторожность, с которой следует относиться к хотя бы и очень упрочившейся репутации, которой наделяет ту или другую секту окрестное население, и, не имея определенного сознания принимавших участие в собраниях действительных очевидцев происходившего, мы должны, конечно, отнестись с большой осторожностью к нашему заключению и пока воздержаться от утверждения. Свидетельство, однако, такого авторитета, как В. П. Наливкин, а, с другой стороны, определенное существование подобного обычая или толка среди одного из патанских племен, о чем упоминает Беллюю, возможность, что в той или другой скрытой форме до нас докатились остатки верований «чираг-куш'ей», т. е. «гасителей светильников», предававшихся приблизительно в этих местах когда-то подобным излишествам на своих религиозных собраниях, о чем нам говорят историки, заставляют также не спешить и с отрицанием. Во всяком случае это вопрос, поставленный для будущих исследований и изысканий.

П Р И Л О Ж Е Н И Е.

Рассказ араба Мулла Зияд о том, как он, будучи мальчиком, утащил украшения и одежды у Биби-Айши.

(Записан со слов Муллы Зияда 17 октября 1921 г.)

Происхождение Биби-Айши следующее. Бабушка моей бабушки, как рассказывала мне моя бабушка, передавая рассказ своей бабки, схватила за волосы явившуюся к ней „мору“ (демоническое существо) и, вырвав у нее горсть волос, считающихся очень хорошим средством против джинов и аджины, налепила их на деревянную куклу. Эти волосы явились целебным средством для рождающих женщин, а также при всяких женских недомоганиях, но в особенности при беременности. Биби-Айша пользовалась громадной популярностью среди женщин. Ей приносили семь пудов (мелких медных монет)—обычное приношение этой кукле, а также куриц, пшеницы и пр. На поклонение к ней приезжали женщины и из других арабских селений—Боглы, Гурджи и др. Мужчины не обращались к Биби-Айше, а ездили к Ирдана-Науику, находящемуся в селении Чууллак. Шейхом у Биби-Айши была всегда женщина и эта кукла с издавна находилась в доме моего деда по матери Закира Бай-Муратова, ныне умершего. У Биби-Айши было отдельное помещение.

Когда мне было лет двенадцать (теперь 32) и я учился в школе, то учитель, по происхождению узбек, недовольный таким проявлением

идолопоклонства, научил меня пойти и обокрасть Биби-Айшу, говоря, что мне за это ничего не будет. Он дал мне при этом семь пульей—обычное приношение Биби-Айше. Дело было летом. В доме сидело довольно много женщин, пришедших на богомолье и разговаривавших с моей бабушкой по матери, бывшей шейхом. Я, подойдя, сказал, что у меня болит живот и что я хочу поклониться Биби-Айше и принес для этого семь пульей.—“Очень хорошо, дитятко“, отвечала мне бабушка, „пойди сам, сходи туда“. Биби-Айше было выстроено особое отдельное помещение. Я зашел в комнату, где в особой нише в стене находилась Биби-Айша—деревянная кукла, в стоячем обыкновенном для кукол виде, около одного аршина высотой. Сделана она была довольно грубо из тала (род ивы). Лицо было изображено при помощи накрутой тряпки на подобие того, как делается и теперь с обыкновенными куклами. На голове имелись приклеенные волосы (от мурту). Она была одета в богатые одежды, на голове находился платок. На шее висело много ожерелий. Дней за десять до моего прихода у Биби-Айши украл 2—3 кольца некий Мулла Умар. Ему было тогда 20—22 года, он был приятелем моего дяди, приходил к нему в гости и проделал это незаметно.

Я быстро снял украшения, а также всю одежду с Биби-Айши и оставил ее голою. Выйти мне удалось незаметно, так как увлеченные своим разговором женщины не обратили на меня внимания. Я отнес учителю все добытое и он был очень доволен. Что же касается до последовавшего затем открытия исчезновения с Биби-Айши одежд, то это было объяснено сначала ее поклонницами тем, что, очевидно, приходил Ирлана-Науик, остался почему то ею недоволен, избил ее, отнял у нее украшения и одежду и унес. Но потом бабушка догадалась и сказала, что это сделал я. Она и прочие женщины пришли в ужас и сказали мне, что я должен теперь умереть за святотатство над Биби-Айшей. Со мной, конечно, ничего не случилось, но Биби-Айшу больше не показывали. История со мной получила большую огласку. Дошло до слуха тогдашнего Мирзы Рагима, который возмутился существованием такого не-мусульманского обычая и потребовал уничтожения Биби Айши. Последнюю куда то скрыли и с тех пор больше про нее не слыхать, видимо отвезли в Чууллак.

Раньше существовало обыкновение в большие праздники—Курбан и Рамазан, привозить к Биби-Айше Ирлана-Науика, которых и укладывали в таких случаях спать вместе.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

[39 (584)]

Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба.

М. С. Андреев.

Экспедиция к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба состояла всего из трех лиц: А. Н. Крюкова, Е. М. Пещеревой и меня. Выехали мы из Таштента 29 июня и пробыли всего около трех месяцев в пути. Местом окончательного снаряжения было Ура-Тюбе, откуда, по ознакомлении с северным склоном Туркестанского хребта, мы перевалили в Матчу, поднялись вверх по р. Зарефшану, вплоть до выхода этой реки из Зарефшанского ледника, и затем, через малоизвестный перевал Ду-Бурса перевалили в Каратегин. Пройдя через Средний и Нижний Каратегин, мы пересекли часть Гиссарского края и через перевал Хок или Хоки (неправильно показанный на картах «Хак»), перевалили в Ягноб. После некоторой остановки здесь для записи этнографических и филологических материалов экспедиция проследовала в Матчу и вышла затем опять на г. Ура-Тюбе для своего возвращения в Ташкент.

Задачей экспедиции было собирание этнографического и филологического материала на пройденном ею пути, а также сбор предметов этнографического интереса и составление этнографических коллекций для Главного Средне-Азиатского Музея в Ташкенте. Кроме того на экспедицию возлагалась задача отыскания и, в случае возможности, вывоза древней резной деревянной колонны, найденной мною в Матче (в сел. Обурдан) еще в 1916 г. возможно, являющейся одним из древнейших известных памятников персидского искусства резьбы по дереву.

За время своего пути экспедиции удалось собрать довольно значительное количество предметов, характеризующих быт, переданных уже большей частью в Главн. Ср.-Аз. Музей. Очень интересны коллекции кукол, собранные Е. М. Пещеревой. При проезде через Матчу обурданская колонна была нами отыскана и извлечена из разрушавшегося здания, где она находилась, но, за невозможностью пока ее вывезти, была передана на хранение в склад военного ведомства в той же Матче. Отдельные деревянные доски, покрытые тем же орнаментом не носящим следов влияния мусульманской эпохи, что и колонна, найденные в том же здании, привезены в Ташкент и сданы в Музей.

Запись филологических и этнографических материалов велась все время нахождения экспедиции в пути. Собрано довольно значительное число образцов речи (сказки, рассказы и др.), записанных в разных местах Матчи, Каратегина, Гиссара и Ягноба. Последняя небольшая

страна, имеющая свой особый язык, представляет собою, как известно, особый интерес в филологическом и, отчасти, в этнографическом отношениях. Нами был записан целый ряд сказок на ягнобском яз., а также небольшое число загадок и стихотворений. Собран также некоторый небольшой материал для словаря.

Среди этнографических достижений экспедиции можно отметить встреченные мною представления об Аримана («Аһрамáн» по туземному произношению), как о злом демоне, диве (دیو). Эти представления, встреченные мною теперь в Ура-Тюбинском районе, подтвердили и дополнили сделанные мною раньше наблюдения в некоторых местах Ферганы, указывающие на сохранившееся до наших дней среди простонародья, видимо при этом в очень древней форме, верование в этого духа зла древних иранских религиозных воззрений. Если с этим сопоставить еще следы культа Ормузда, найденные мною еще раньше в Ишкашине (верховья р. Панджа), где местное население до сих пор еще клянется «главою Солнца» — «ба сар-і-Ремузд», то можно отметить в настоящее время еще имеющиеся в некоторых местах среди населения Средней Азии следы верования в оба основных элемента мадеизма.

[551.22(584)«1924»]

Куршабское землетрясение 6 и 12 июля 1924 г.

Е. Бетгер.

Во время моего пребывания летом текущего года в Фергане мне удалось посетить сел. Покровское — одно из самых больших и зажиточных русских селений Ферганской области. Сел. Покровское расположено в 44 в. к С.-В. от Оша в широкой и плодородной долине, верстах в 2 от реки Куршаба (в верхнем течении — Гульчинки), по имени которой зовется туземная часть селения; то же имя носит и вся волость, центром которой является Куршаб. Последний оказался местом действия разрушительного землетрясения, которое постигло Покровское-Куршаб 6 и особенно 12 июля этого года.

Проездом в Узгенд я провел в Покровском день 5 августа и получил от местного Исполкома, в лице его члена М. И. Уса, чрезвычайно интересные сведения, в статистической своей части основанные на совершенно официальных данных, собранных специальной Комиссией и запечатленные в подробных и тщательно составленных протоколах. Сведения неофициального характера — наблюдения и переживания добыты мною путем расспросов у отдельных жителей пострадавшего селения, согласно инструкции, которою меня любезно снабдил сейсмолог Г. В. Попов. Не будучи естественником, ни тем более специалистом-геологом, я позволяю себе доложить Отделу то, что мне удалось записать, т. к., насколько мне известно, о куршабском землетрясении были помещены в туркестанской и центральной прессе только небольшие телеграфные заметки, научные экспедиции места землетрясения не посещали и поэтому настоящих научных описаний куршабской катастрофы не предвидится. Поэтому мне думается, что те несомненно поверхностные и неполные данные, которые я собрал на месте землетрясения, имели бы для Отдела некоторое хотя бы чисто регистрационное, значение, так как описываемое явление, если и уступает по силе разрушения знаменитой андижанской